

А. Д. Галахов

Мнение о драме г. Островского "Гроза"

Драма А. Н. Островского "Гроза" в русской критике

Сб. статей / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Сухих И. Н.-- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.-- 336 с.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Не имея возможности, по случаю отъезда моего в Москву, заняться подробным рассмотрением драмы г. Островского "Гроза", но, вместе с тем, считая для себя особенным удовольствием исполнить поручение Академии наук, которым ей угодно было почтить меня,-- я должен ограничиться кратким отзывом об упомянутой пьесе.

Прежде всего позволю себе сделать два замечания, говорящие в пользу таланта г. Островского и достоинства его сочинений.

Упадок драматической поэзии в современной эпохе не подлежит сомнению. Это факт, знакомый каждому, кто занимается литературой. Ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции давно уже не является таких пьес, которые могли бы по праву стоять в ряду истинно изящных произведений. Гетнер в сочинении своем "Das moderne Drama" (1852) справедливо сетует на внутреннюю скудость драм, написанных поэтами так называемой школы "Юная Германия".¹ Он не отрицает таланта в их авторах, но признает, что произведения их далеко уступают образцам Шиллера и Гете,² как последние поэты стоят на высоте художественного творчества, так последователи их заняли уровень посредственности. Этого уровня не подняла и драма Фрейтага "Валентина", хотя дарование Фрейтага³ выходит из среды обыкновенных. То же неутешительное явление замечается и во французских драмах. После В. Гюго, А. Дюма, Скриба⁴ и некоторых других наступило затишье или фабрикуются мелодрамы. Но и Скриб, в отношении к Мольеру, и Гюго с А. Дюма, в отношении к Корнелью и Расину,⁵-- то же, что "Юная Германия" в отношении к Шиллеру и Гете: в комедиях нет силы мольеровского комизма, в трагедиях нет силы трагизма, которая прославила Расина и Корнеля, хотя и вращалась в кругу ложно-классического искусства. Новейшие попытки французов создать нечто оригинальное производят иногда блестящие пьесы, но блестящие не светом истинного художества, а внешними эффектами и внешним же соприкосновением с текущими новостями, с интересами дня (*nouvelles du jour*). Везде мелодрама, и нигде настоящей драмы.

Вышесказанное не применяется к современной русской комедии, или, точнее, к пьесам г. Островского, так как в них единственно и нераздельно заключается вся наша комедия. Положение г. Островского -- иное. В ряду известнейших наших комиков он занял также видное место. Он достойно продолжает дело Гоголя. Я не сравниваю их талантов: я говорю только, что в таланте, сравнительно низшем, бывают такие стороны, которые не выказывались в таланте много высшем. Так, в пьесах г. Островского есть нечто свое, особенное, что имеет вес после "Ревизора" и "Женитьбы". А в произведениях искусства, равно как и во всех произведениях духовной деятельности человека, эта особенность, своеобразность ценится преимущественно. Она свидетельствует об отличительных свойствах таланта; ею объясняется сочувствие к таланту публики -- и образованной, умеющей сознать то, что ей нравится, и необразованной, бессознательно воспринимающей эстетическое наслаждение.

Вторая заметка имеет в виду указать врожденную наклонность г. Островского к драме. Он вступил в литературный свет с драматическою пьесой и до сих пор не изменил выбранному им поэтическому роду. Другие авторы пробуют свои силы в разных родах, как бы назло своей природе. Г. Тургенев, например, пытался, кроме повестей и романов, которыми он приобрел себе такую громкую и вполне справедливую известность, писать также драмы; но если и можно признать относительное достоинство и частные красоты его "Провинциалки", "Нахлебника", "Завтрака у предводителя",⁶ то нельзя не видеть, что он вошел не в свою колею. Г. Островский, напротив, и не пытался менять драматическую форму на лирику или эпос. Одна из пьес его, "Воспитанница" (в "Библиотеке для чтения"⁷), могла бы легко дать сюжет повествователью; однако ж он не увлекся этой легкостью. Ясно, что призванием его служит драма. Неизменность направления нередко, сама собою, независимо от других предметов, указывает на внутреннюю цену направления, и неспособность свободно входить в разнородные области знания или